

Д ДИСЬМА ИЗ красного леса

ИИ
ДМИТРИЙ ВЕТРЕНСКИЙ

Дмитрий Ветренский

Письма из красного леса

«Автор»

2026

Ветренский Д.

Письма из красного леса / Д. Ветренский — «Автор», 2026

Что делать, если прошлое пишет тебе письма? Вернувшись в Краснолесье, Лида находит послания от людей, пропавших десятилетия назад. В архиве — противоречия, в памяти родных — пробелы, а лес зовёт по именам. Чтобы раскрыть тайну, ей придётся отделить факты от догадок и решить, отвечать ли на зов, цена которого неизвестна. «Письма из красного леса» — атмосферный хоррор о деревне, где страх заставляет молчать, а память становится и опорой, и обвинением. Любить пропавших — не значит отрицать их ошибки; принять утрату — не значит забыть. Это история о неудобных вопросах, общей памяти и выборе продолжать жить, даже если прошлое не даёт всех ответов. Для поклонников мистических тайн и психологического ужаса, а также историй о вине, памяти и внутренней опоре. В Краснолесье не каждый зов — спасение. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Ветренский Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Возвращение в деревню, где не ждут	6
Ящик у заброшенной почты	11
Письмо с датой из прошлого	15
Имена, вычеркнутые из памяти	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дмитрий Ветренский

Письма из красного леса

Письма из красного леса

Дмитрий Ветренский

Возвращение в деревню, где не ждут

На повороте к Краснолесью Лида сбавила скорость: дорога свернула раньше, чем должна была.

Она знала это место. За бетонным столбиком с облупившейся синей краской шла прямая, потом начинался спуск к ручью, и только у старой рощи следовало поворачивать налево. Теперь же асфальт уходил вправо уже за столбиком, будто кто-то за ночь передвинул изгиб дороги. Лида проехала ещё сотню метров, увидела знакомый ржавый знак «Краснолесье» и остановилась.

За обочиной поднимались берёзы. На белой коре проступали тёмно-красные полосы, как засохшая кровь под кожей. Туман между стволами был негустой, но деревья всё равно казались слишком яркими. Лида моргнула, перевела взгляд на приборную панель и проверила навигатор. Тот показывал, что она уже в центре деревни.

Она убрала телефон в подстаканник.

— Просто устала, — сказала она вслух.

Говорить с собой Лида привыкла, когда нужно было не сорваться, а сделать следующий шаг. Она умела менять колёса на обочине, заполнять документы после смерти человека, которого любила, и отвечать на письма, не перечитывая их по десять раз. Ей нравилось, когда у проблемы была форма, срок и перечень действий. Детство к таким проблемам не относилось. Оно не поддавалось сортировке и слишком часто начиналось с вопроса, на который мать отвечала: «Не выдумывай».

Мать умерла три недели назад в районной больнице. После похорон Лида получила ключи от дома в Краснолесье и обещала нотариусу приехать разобрать вещи. Она дала себе другое обещание ещё в десять лет, когда уезжала отсюда вместе с матерью: больше не возвращаться.

Тогда она ещё не знала, что обещания, данные в детстве, способны держаться крепче взрослых решений.

Деревня встретила её закрытыми окнами и пустыми дворами. На фонарных столбах висели выцветшие объявления, над которыми хлопала на ветру оборванная лента. У одного забора стоял детский велосипед без переднего колеса. С улицы пахло мокрой листвой, дымом и чем-то сладковатым, похожим на прелые яблоки.

Дом мать оставила на Лесной улице, ближе к краю деревни. Сначала Лида решила купить воды и спросить дорогу у кого-нибудь местного. Единственный магазин оказался маленькой комнатой с прилавком, холодильником напитков и тремя рядами банок. Над кассой висел календарь за прошлый год.

Продавщица, молодая женщина с короткими волосами, подняла голову от телефона.

— Вам помочь?

— Я ищу дом Зориных. На Лесной, у леса.

Женщина нахмурилась.

— Зориных?

— Моя мать там жила. Мария Зорина.

— Тут таких не было, — сказала продавщица после короткой паузы. — Может, вы другой адрес ищите?

Лида положила на прилавок бутылку воды.

— Я здесь выросла.

— В Краснолесье? — Женщина внимательно посмотрела на неё, будто пыталась найти сходство с каким-то знакомым лицом. — Нет. Я бы помнила.

Она произнесла это без насмешки. Скорее с уверенностью человека, который считает память надёжным свидетелем.

Лида расплатилась и вышла. У двери, под навесом, мужчина в рабочей куртке курил, прикрывая огонёк ладонью от ветра. На вид ему было около семидесяти.

— Лидка Зорина, — сказал он.

Она остановилась.

— Вы меня знаете?

Мужчина сплюнул в сторону канавы.

— А то. Ты с Мишкой тогда пропала. Твоя мать одна вернулась.

Лида почувствовала, как холодеют пальцы на бутылке.

— Я уехала с матерью.

— Не помнишь, значит.

— Кого вы называете Мишей?

Мужчина посмотрел на неё так, словно она произнесла что-то неприличное. Потом бросил окурочек в банку из-под кофе и зашёл в магазин, не ответив.

Лида постояла под навесом. Вода в бутылке была холодной, и мелкие капли выступили на пластике. Она знала имя Миша. Оно лежало в памяти где-то на самом дне, в том месте, куда она годами не опускалась. Но принадлежало ли оно человеку, которого она действительно помнила, или было добавлено позже чужими рассказами, Лида сказать не могла.

У дома она оказалась спустя десять минут. Калитка скрипнула точно так же, как в детстве. Это совпадение почему-то обрадовало её. Скрип был понятным, обычным. Дом стоял за заросшим палисадником, темнея среди мокрых яблонь. Крыша просела на один скат, но трубы не было видно из-за ветвей. В одном окне отражалось низкое серое небо.

Лида вставила ключ в замок. Он повернулся легко, без привычного сопротивления, и дверь открылась, прежде чем она успела толкнуть её плечом.

Внутри пахло холодной золой, сушёными травами и мылом. Запах был настолько знакомым, что Лида на миг перестала быть взрослой женщиной с арендованной машиной и списком дел в телефоне. Ей снова стало десять. Она стояла на пороге в мокрых ботинках и ждала, что мать крикнет из кухни: «Разувайся, Лидка».

Никто не крикнул.

Она занесла сумки и включила свет. Лампочка мигнула, осветив прихожую с узкой вешалкой, полкой для обуви и зеркалом в потемневшей деревянной раме. В зеркале отразилась её бледность и мокрая прядь, прилипшая к щеке.

На стене, у дверного косяка, сохранились карандашные отметки роста. Лида сразу узнала свои: короткие чёрточки, даты, неровно выведенное имя. Ниже было написано «ЛИДА». Выше, возле последней отметки, другим почерком стояло: «МИША».

Она дотронулась до букв. Карандашная линия чуть смазалась под пальцем.

Память шевельнулась не картинкой, а ощущением: тёплая ладонь на макушке, скрип ступени, чей-то шёпот в темноте. Лида быстро отдёрнула руку.

В кухне на столе стояла эмалированная кружка. Рядом лежала синяя прихватка, выгоревшая почти до серого. В шкафу нашлись чай, соль и сухари в жестяной коробке. Мать, похоже, не оставила дом пустым, хотя в последние годы они почти не разговаривали. Их звонки были короткими и аккуратными, как записи в календаре: давление, лекарства, погода. Стоило Лиде спросить о детстве, мать переводила разговор на крышу, которая протекала, или на цену дров.

Однажды, уже взрослой, Лида спросила, был ли у неё брат.

Мать долго молчала. Потом сказала:

— У тебя не было брата.

На этом разговор закончился. Лида не стала переспрашивать. Ей хватило одного ответа, чтобы снова заняться работой и оставить эту часть жизни закрытой. Так было проще. Так она называла это долгие годы.

Она открыла шкаф в маленькой комнате. В нём висели пальто матери и старый клетчатый плащ, слишком большой для ребёнка. На полке лежали коробки с фотографиями, но рассматривать их Лида не стала. Не сразу. Ей нужно было сначала включить отопление, проверить трубы, открыть окна. Дела возвращали вещам их размеры и не позволяли воображению занять весь дом.

К обеду в печи затрещали дрова. Лида стояла у окна, когда заметила женщину через дорогу. Та медленно шла вдоль забора, опираясь на трость. Седые волосы были собраны в тугой узел, на плечах темнела шерстяная шаль.

Лида узнала её не сразу. Потом вспомнила: соседка матери, Зоя Петровна. В детстве Лида иногда носила ей яблоки. Или это делал кто-то другой.

Женщина остановилась у калитки и прищурилась.

— Наденька, — позвала она.

Лида открыла дверь и вышла на крыльцо.

— Я Лида. Лида Зорина.

Старуха качнула головой, словно Лида ошиблась в простом вычислении.

— Нет, Надя.

— Вы меня с кем-то путаете.

— Я тебя знаю.

— Тогда вы знаете, что меня зовут Лида.

Зоя Петровна крепче сжала рукоять трости. Её взгляд задержался на лице Лиды, потом опустился к рукам.

— Не так ты должна была вернуться.

Лида спустилась на одну ступень.

— Кто такая Надя?

— Девочка, которую искали, пока снег не лёг. Потом перестали искать.

— Она пропала здесь?

Старуха не ответила.

— Вы думаете, я похожа на неё?

— Я не думаю, — сказала Зоя Петровна. — Я помню.

Лида подождала. Зоя Петровна смотрела на неё с тревогой, но не отступала к своему дому. В её лице было что-то такое, что Лида не могла объяснить: не узнавание даже, а ожидание, будто старуха годами всматривалась в улицу и дождалась наконец нужного человека.

— Почему вы называли меня её именем?

— Иди в дом, Лида.

— Вы только что сказали, что помните.

— Я сказала, иди в дом.

— Вы ошиблись?

Зоя Петровна повернулась к калитке. На пороге своего участка остановилась и бросила через плечо:

— Ошибки не всегда исправляют правдой.

Потом захлопнула калитку. Лида осталась на крыльце, пока за окном соседки не погасло движение занавески.

К вечеру она снова пошла в магазин. Ей хотелось купить спички и спросить, знал ли кто-нибудь, почему мать вернулась одна. Продавщица, увидев её, сразу опустила глаза к кассе.

— Я встретила Зою Петровну, — сказала Лида. — Она назвала меня Надей.

У женщины изменилось лицо. Не сильно, но Лида заметила, как застыла её рука над кассой.

— Она старая.

— Надю искали в этой деревне?

— Я не знаю.

— А Мишу знаете?

Продавщица взглянула на дверь, будто проверяла, не вошёл ли кто-нибудь следом за Лидой.

— Не надо спрашивать про него.

— Почему?

— Потому что ваша мать просила не спрашивать.

Лида почувствовала, что внутри неё что-то резко подтянулось, как нить, за которую потянули из темноты.

— Моя мать просила вас не говорить о моём брате?

Женщина отвернулась к полкам.

— Я сказала, что не знаю.

— А про Надю?

— И про неё не знаю.

На этот раз Лида не стала продолжать. Она купила коробок спичек и вернулась в дом.

Короткий разговор оставил после себя больше, чем длинное объяснение. Мать просила. Значит, знала. Знала, что кто-то будет спрашивать, и заранее готовила людей к молчанию.

Лида села за кухонный стол. Пламя в печи двигалось за стеклянной заслонкой, бросая на стены оранжевые тени. Она достала из сумки блокнот, открыла новую страницу и написала три строки: «Миша. Надя. Почему мать молчала».

Потом поставила рядом дату.

Ей стало легче, когда вопросы оказались на бумаге. Не потому, что они стали меньше, а потому, что перестали быть невидимыми. Всю жизнь Лида старалась не возвращаться туда, где ответы могли разрушить то небольшое, что она считала своим. Она принимала материнское молчание за границу, которую нельзя переходить. Но граница, проведённая страхом, не становилась правдой только потому, что её никто не оспаривал.

Наутро она могла уехать. Сдать дом, вызвать оценщика, отвезти вещи на склад. Взрослая, разумная, привычная к самостоятельности Лида знала, как это сделать. Но перед тем как закрыть блокнот, она написала под вопросами: «Остаться и спросить».

Это не было смелостью. Пока только решением не убежать сразу.

Ночью дом затих. Ветер шевелил ветви яблонь, и время от времени где-то в стене сухо щёлкала доска. Лида лежала в комнате матери под двумя одеялами, слушая, как дом привыкает к её присутствию. Или как она привыкает к дому.

Она почти уснула, когда у входной двери раздался тихий звук. Не стук. Скорее шорох бумаги по деревянному полу.

Лида села.

В прихожей было темно. Она взяла телефон, включила фонарик и вышла, стараясь не задевать обувь. Под дверью ничего не лежало. Она проверила замок, осмотрела окно, затем открыла дверь.

На пороге, прижатый к коврику мокрым листом, лежал конверт.

Лида подняла его. Бумага была прохладной, но сухой. На лицевой стороне аккуратным детским почерком было выведено: «Лиде Зориной. Краснолесье, Лесная, дом 7». Почтовая марка потускнела, а под ней проступал круглый штамп. Лида поднесла конверт ближе к свету и различила дату: октябрь 1998 года.

В деревне уже давно не работала почта.

Лида закрыла дверь и не сразу повернулась. За окном, за палисадником, лес стоял красным и неподвижным. Конверт тихо похрустывал в её руке, словно внутри кто-то осторожно шевельнулся.

Она не вскрыла его. Пока.

Ящик у заброшенной почты

Лида не спала до рассвета. Конверт лежал на кухонном столе под перевёрнутой чашкой, чтобы сквозняк не сдвинул его, хотя окна были закрыты. Она несколько раз подходила к столу и каждый раз останавливалась на расстоянии вытянутой руки.

На свету надпись выглядела ещё страннее. «Лиде Зориной. Краснолесье, Лесная, дом 7». Детский почерк, аккуратный и старательный. Ни обратного адреса, ни имени отправителя. Штемпель — октябрь 1998 года. Лида записала всё это в телефон, рядом добавила: «Конверт сухой. Найден у двери. Внутри что-то есть». Последняя фраза показалась ей нелепой, но она её не удалила.

Сначала надо было проверить почту.

В Краснолесье она не работала уже много лет. Это Лида знала. Помнила низкое здание у дороги, куда бабушка ходила за пенсией и газетами, но не помнила, когда оно закрылось. Вчера, ещё до конверта, ей казалось, что это неважно. Теперь дата на штемпеле тянула её туда, как нитка, за которую кто-то осторожно потянул из темноты.

Она сунула конверт в сумку, не вскрывая, надела куртку и вышла.

Утренний воздух пах мокрой корой и остывшей золой. Ночью прошёл дождь. На дороге блестели неглубокие лужи, а лес за домами светлел рыжим, будто под деревьями тлели угли. По привычке Лида ускорила шаг, когда дошла до крайнего двора, но тут же заставила себя замедлиться. Она не знала, чего ожидала найти у почты, и спешка не помогала бы увидеть больше.

Здание стояло на прежнем месте, у развилки. Низкое, с покосившимся крыльцом и вывеской, на которой едва читались слова «Почтовое отделение». Краска сошла лоскутами. Одна буква держалась на одном гвозде и качалась на ветру. Окна были заколочены изнутри фанерой, дверь перетягивала ржавая цепь.

Под дверью лежала мокрая листва.

Лида остановилась у крыльца. Сначала просто смотрела. Цепь выглядела старой, но замок был чистым, без толстого налёта ржавчины. На фасаде, справа от двери, сохранился почтовый ящик: железный, тёмно-зелёный, с проржавевшей щелью. На крышке ещё можно было различить бледный прямоугольник, где когда-то висела табличка с расписанием выемки корреспонденции.

Она подошла ближе. Из щели тянуло мокрой бумагой и старым клеем.

— Не надо.

Голос прозвучал за спиной так близко, что Лида резко обернулась. По дороге шёл мужчина в серой куртке, придерживая ладонью велосипед за руль. Ему было около шестидесяти. Худой, с короткой седой щетиной и лицом человека, который давно привык не тратить слова зря.

— Вы Лида? — спросил он.

— Да.

— Илья. Живу через две улицы. Видел, как вы вчера приехали.

Он поставил велосипед на подножку, но к зданию не подошёл.

— Вы работали на почте? — спросила Лида.

— Работал. Давно.

— Тогда, может быть, вы объясните, почему мне доставили письмо с почтовым штемпелем девяносто восьмого года.

Илья посмотрел не на неё, а на сумку у её плеча.

— Получили?

— Оно лежало у порога.

Он снял перчатку, провёл большим пальцем по костяшкам, будто проверял, цела ли кожа.

— А вы его вскрыли?

— Нет.

— Хорошо.

— Почему?

— Потому что я сказал.

Ответ был резким, почти грубым. Но в его голосе не было уверенности. Скорее усталость, которой не удавалось заглушить тревогу.

— Я не собираюсь принимать ваши слова на веру, — сказала Лида.

— И не надо. Только не открывайте тут ничего. И ящик не трогайте.

Она глянула на ржавую щель.

— Вы утверждаете, что почты нет. Но ящик стоит на месте.

— Я утверждаю, что отделение закрыто. Это не одно и то же.

— Кто-то бросает сюда письма?

Илья посмотрел на здание, словно оно могло ответить вместо него.

— Никто не должен.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Он взял велосипед за руль и направился к дороге.

— Подождите. Вы знаете, кто исчез в Краснолесье в девяносто восьмом?

Илья остановился. Несколько секунд стоял к ней спиной.

— Здесь много чего помнят не так, как было, — сказал он. — А некоторые вещи помнят слишком хорошо.

— Это тоже не ответ.

— Тогда считайте, что я предупреждаю вас о дырявом полу в старом доме. Вы всё равно можете на него наступить. Но хотя бы будете знать, что он там.

Он уехал, не оглянувшись.

Лида снова повернулась к зданию. Она могла уйти. Могла вернуться домой и позвонить кому-нибудь, кто не знал местных историй. Могла решить, что письмо — жестокая шутка, устроенная человеком, который нашёл старую марку и решил напугать городскую родственницу. Это объяснение было удобным. Не обязательно правдивым.

Она вынула телефон и сделала снимок фасада. Потом приблизила изображение, изучая ящик. На крышке виднелись тонкие царапины, свежие — светлые, в темноте ржавчины. Кто-то недавно задевал металл.

Лида убрала телефон.

Она обошла здание. За углом, под провисшей водосточной трубой, между стеной и фундаментом обнаружился узкий проход. Дверь с задней стороны была заколочена, но нижняя доска отошла от стены. Лида поддела её носком ботинка. Доска сдвинулась с сухим скрежетом.

— Не надо, — повторил бы Илья, если бы был здесь.

Она задержала руку на краю. Потом отогнула доску ровно настолько, чтобы заглянуть внутрь.

Там пахло сыростью, старым деревом и бумагой. За доской был небольшой тамбур. На полу лежала пыль, толстая и серая, как мука. По ней тянулась узкая полоса: чистая, тёмная, будто по пыли недавно провели чем-то тяжёлым. След уходил к внутренней двери, закрытой на крючок.

Лида присела. Полоса была неровной. В одном месте на пыльном краю отпечатался след подошвы. Чёткий рисунок, глубокий носок, каблук почти не обозначился.

Она записала в телефон: «След в пыли. Свежий, возможно. Направление — к сортировочной комнате». Потом стёрла слово «свежий». Это было уже не наблюдение, а вывод.

Почти сразу ей стало стыдно за эту маленькую осторожность. Но она оставила запись: «В пыли видна полоса, ведущая к двери. След подошвы рядом».

Крючок поддался не сразу. Дверь распахнулась внутрь, и Лида увидела бывшую сортировочную комнату. Вдоль стены стояли стол и деревянные ячейки для писем. На полу валялась пустая коробка, в углу темнела лужа. На столе остался засохший круг от стакана. Всё было покрыто пылью, кроме узкой полосы между входом и дальним углом, где дверь вела к наружной стене.

Лида подошла ближе. Там, внизу, находилась металлическая заслонка — задняя часть уличного почтового ящика. Она была встроена в стену. Обычный почтовый ящик можно было обслуживать изнутри, открыв небольшую дверцу ключом.

Замочная скважина не блестела. На металле вокруг неё виднелись свежие потёртости.

Лида отступила и огляделась, ища ключ. На столе, под рассыпавшимися квитанциями, нашёлся ржавый связанный пучок. Ключи были старыми, один подходил. Она вставила его в замок, повернула. Металл щёлкнул.

За дверцей оказалась полость, уходящая в фасад. Внутри лежали конверты.

Лида не сразу поняла, что видит. Сначала — только пятна бумаги, светлые и бурые, лежавшие друг на друге. Потом различила адреса, написанные от руки. Разные почерки: угловатый, дрожащий, детский, крупный и размашистый. Края некоторых конвертов потемнели. Другие выглядели почти новыми. Ни один не был запечатан скотчем или современной наклейкой.

Она вытащила первый. На нём значилось: «Марье Павловне Ковалёвой. Краснолесье, Советская, дом 3». Штемпель — 1971 год.

Лида знала эту фамилию. Ковалёвы жили у старого моста. Марья Павловна пропала зимой, ещё до рождения Лиды. В деревне говорили, что она ушла по льду к сестре и не вернулась. Потом перестали говорить совсем.

Следующий конверт был адресован Семёну Власову, пропавшему в восемьдесят четвёртом. Лида слышала это имя от бабушки, но никогда не спрашивала, кем он ей приходился. Третий, с выцветшей маркой, был для Анны Лисиной. В деревне помнили, что Анна исчезла в ночь на майский праздник, когда ей было семнадцать.

Лида перебирала конверты, стараясь не касаться надписей. Даты располагались на десятилетиях, будто кто-то собирал здесь письма от каждого поколения. Почерк менялся, адреса оставались.

Тогда она увидела своё имя.

Конверт лежал почти в самом низу. «Лиде Зориной. Краснолесье, Лесная, дом 7». Тот же адрес, что на письме, найденном у её порога. Тот же старательный детский почерк. На уголке тёмнел круглый штемпель, но дата была смазана.

Лида вытянула конверт. Он легко отделился от остальных. Она поднесла его к свету, хотя света в комнате почти не было. Бумага оставалась целой, без надрывов и пятен. Имя было выведено ровно, без дрожи.

Она не открыла его.

Первый конверт всё ещё был в её сумке, возле телефона. Теперь у неё было два письма с одинаковым адресом: одно ждало у дома, другое лежало в стене заброшенной почты. Два письма, и оба будто предназначались ей. На секунду Лида представила, как кто-то в деревне следит за её приездом, достаёт старую бумагу, подделывает почтовые штемпели. Это было возможно. Почти всё было возможно, пока она не знала фактов.

Она достала телефон и включила камеру.

Сначала сфотографировала конверты в руке. Затем вернула остальные в ящик, оставив его дверцу открытой, и сделала снимок полости. На экране появилось серое прямоугольное пространство. Пустое.

Лида опустила телефон и посмотрела в ящик. Конверты лежали там же, где секунду назад. Она видела их. Видела фамилии, даты, марки.

Сделала ещё один снимок.

На экране снова была пустая металлическая полость. Ни одного конверта.

Её рука с телефоном похолодела. Другой рукой она крепко держала письмо с собственным именем. Конверт не исчез. Не стал прозрачным. Не рассыпался в пыль. Он был здесь, в её пальцах, и от прикосновения бумага тихо похрустывала.

Лида закрыла камеру, снова открыла, выбрала режим видео и навела телефон на ящик. Красный кружок записи загорелся. Она медленно провела камерой по полости, по ржавой кромке, по пыли на стенках. На экране ящик оставался пустым.

Она остановила запись, взглянула на содержимое, потом на свою ладонь.

Письмо было на месте.

В коридоре скрипнула доска.

Лида резко обернулась. В комнату никто не вошёл. Из дверного проёма виднелся пустой тамбур и светлая полоска улицы.

— Илья? — позвала она.

Ответа не было.

Она сунула письмо в карман куртки, захлопнула внутреннюю заслонку и повернула ключ. Делала всё быстро, но не бежала. Когда выбралась наружу, дождь уже закончился. На дороге никого не было. Велосипед Ильи исчез.

Лида поставила доску на место и прислонила её к стене. Ей хотелось сказать себе, что она просто испугалась. Что камера не сфокусировалась, что внутри было темно, что телефон испортил снимок. Но снимок был чётким. На нём хорошо виднелись ржавчина, царапины и пустое дно ящика.

Она открыла фотографию снова. Увеличила изображение. Потом посмотрела на конверт в кармане, на уголок которого теперь легла её ладонь.

Снаружи бумага казалась обычной. Но, дойдя до дороги, Лида почувствовала тепло сквозь ткань куртки. Она остановилась и вынула письмо. Тёплым был не только край, к которому прижималась её рука. Весь конверт хранил ровное человеческое тепло, словно его только что держали в ладонях.

Лида посмотрела на свои пальцы. Они были холодными после сырого утра.

Она не стала объяснять себе, что почувствовала. Пока не стала. Вместо этого отметила про себя факты: два письма с её именем, ящик с корреспонденцией пропавших людей, след в пыли, снимок пустой полости, тёплая бумага.

Список не складывался в ответ. Но впервые за долгое время Лида не пыталась заставить его сложиться.

Она вложила конверт обратно в карман и пошла домой. Теперь у неё было письмо, которое не должно было существовать, и вопрос, от которого она уже не могла отвернуться.

Письмо с датой из прошлого

У порога Лида долго не могла попасть ключом в замок. Конверт в кармане куртки грелся о ладонь, и ей всё казалось, что она держит не бумагу, а чужую руку.

Наконец замок щёлкнул. Лида вошла, сняла куртку, но письмо оставила в кармане. Сначала включила свет. Потом закрыла дверь на оба замка. Потом проверила, заперта ли она. Только после этого положила на кухонный стол конверт и отступила на шаг.

Второе письмо лежало в сумке, нетронутое. На обоих было её имя. На первом — коротко, без фамилии: «Лиде». Почерк казался знакомым, хотя она не могла сказать почему. Чёрные буквы были неровными, словно писавший сильно нажимал на карандаш.

Лида села. За окном тянулся сырой вечер. В водосточной трубе раз в несколько секунд падала капля, и этот звук напоминал, как в детстве они с Мишей считали дождь по стуку в жестяной крыше сарая.

Она резко подняла голову.

Миша. До этой минуты она не позволяла себе произнести его имя вслух. Не потому, что боялась, — так она объясняла себе годами. Просто имя ничего не меняло. Миша исчез, поиски закончились, взрослые договорились, что больше не будут обсуждать случившееся. А потом прошли годы, в которых его отсутствие стало частью привычной мебели: как пустое место за столом в старом доме, как материнское молчание, как Лидино «если бы».

Она взяла конверт. Бумага мягко поддалась под пальцами. На краю проступал выцветший почтовый штемпель. Лида придвинула лампу.

«14 OCT 1950».

Она прочитала дату один раз, второй. Провела ногтем по цифрам, будто те могли оказаться выпуклыми и от этого измениться.

Миша исчез 14 октября 1987 года. Лида помнила эту дату без всяких записей: её повторяли в разговорах, в газетной вырезке, которую мать хранила в шкафу, в полицейских бумагах. Между штемпелем и исчезновением брата было ровно тридцать семь лет.

Лида положила конверт на стол.

В 1950-м её ещё не было на свете.

Она подумала о подделке. Кто-то мог состарить бумагу, нарисовать штемпель, скопировать старый почерк. Человек мог узнать имя, найти газетную заметку, даже добраться до материнского дома. Но на конверте не было обратного адреса. И его тепло не объяснялось ничем, кроме тепла.

— Просто вскрой, — сказала Лида.

Собственный голос прозвучал так, будто она приказала это кому-то за дверью.

Край конверта был заклеен. Она провела по нему ножом, осторожно, не задев лист внутри. Из прорези пахло сухой пылью, деревом и чем-то едва сладким — запахом старых ящиков, где мать держала пуговицы и нитки.

Письмо оказалось сложено вчетверо. Обычная линованная бумага, вырванная из тетради. На сгибах проступили тонкие коричневые линии. Лида расправила лист обеими руками.

Почерк был детским: буквы плясали, строчки сползали вниз. Но в словах чувствовалась старательность — будто мальчик заранее знал, что письмо прочтут не сразу.

«Лидка!

Вчера мама спрятала ключ. Она думает, я не заметил. Положила его в жестяную коробку из-под чая и поставила за банками с крупой. Я туда не полез, только увидел.

Папа сказал, что к старой просеке нельзя ходить. Но вчера вечером лес за ней опять светился. Не как костёр. Между деревьями было красное, будто там кто-то оставил лампу. Потом свет погас, а потом загорелся снова.

Я не испугался. Только не говори маме, что я видел. Она скажет, что мне приснилось.

Наш свисток всё ещё под третьей половицей у лестницы. Я проверил. Он свистит, если дунуть сильно. Ты сказала, что звук похож на кота, которому наступили на хвост. Я не согласен.

Если услышишь три раза, не выходи одна.

Миша».

Лида дочитала и осталась неподвижной.

Обычные слова. Мальчишеская обида из-за свистка, жалоба на родителей, секрет, который нельзя выдавать. В этих строчках не было угрозы, и именно поэтому они действовали сильнее. Миша не звучал как человек, который хочет напугать сестру. Он звучал как мальчик, которому важно, чтобы она не рассмеялась над ним.

«Если услышишь три раза, не выходи одна».

Лида перечитала эту строку.

В 1950 году она ещё не родилась. Миша написал ей по имени за восемь лет до её рождения. Или кто-то подделал детское письмо и вложил туда даты, которые не мог знать обычный человек. Лида заставила себя не перескакивать с одного на другое. Факт: штемпель. Факт: слова на листе. Факт: подпись. Всё остальное пока было догадками.

Подпись стояла внизу, чуть правее края строки: «Миша». Последняя буква была маленькой и тесной, словно мальчик торопился уместить её на бумаге.

Лида провела пальцем рядом, не касаясь чернил.

Третья половица у лестницы.

Свисток.

Детская память поднялась так быстро, что на секунду ей показалось: не она вспоминает, а кто-то распахнул дверь в комнату, давно запёртую изнутри.

Ей было девять, Мише — уже взрослым, хотя тогда это слово казалось ей неподходящим. Он умел чинить вещи и знал, как забраться на крышу сарая, не сломав водосток. Они нашли полоску тонкой жести за мастерской. Миша свернул её трубочкой, а Лида зажала край плоскогубцами. От усердия она порезала палец. Он обмотал ей большой палец красной ниткой и велел не плакать, потому что свисток выйдет лучше, если кровь не капать на металл.

Вышел он ужасный. Высокий, писклявый звук, похожий и на кота, и на чайник. Лида смеялась так, что не могла вдохнуть. Миша сказал, что однажды этот свисток спасёт их, если они потеряются в лесу.

Они спрятали его под третьей половицей у лестницы. Не у печки, как она много лет рассказывала себе, а именно у лестницы. Потом Миша исчез, а Лида не спускалась в тот угол дома целую зиму.

Она медленно убрала руку с письма.

Никому, кроме них двоих, она не рассказывала про свисток. Ни матери, ни отцу. Они называли его «нашим», как называют тайный пароль или смешную ошибку, которую понимают только двое. Даже после исчезновения Миши Лида молчала. Не хотела отдавать воспоминание взрослым, которые превратили всё случившееся в историю с простым концом.

Но в письме не только упоминался свисток. Там были третья половица, лестница, его странный звук и её насмешка про кота. Подробности, которые не отыскать в газетной заметке.

— Ты это знала, — прошептала Лида. — Ты знала, что я помню.

Она хотела сказать «ты» брату, но не смогла. Между письмом и человеком, которого она помнила, лежало слишком много лет. И всё-таки она ясно слышала его голос: не взрослый, каким он звучал в последнюю ссору, а более ранний, задорный, с привычкой проглатывать окончания.

Лида поднялась. Ноги показались чужими, но донесли её до коридора. На лестнице скрипнули доски. Она пересчитала их, не глядя: первая, вторая, третья.

Половица у ступеней была чуть темнее соседних. Лида помнила это. В детстве она сама поддевала её шпилькой, а Миша сердился, что так дерево рассохнется. Она опустила на корточки и приложила пальцы к щели. Под ногтями осталась пыль.

Можно было приподнять доску. Найти свисток, если он ещё лежал там. Получить новую подробность, которую пришлось бы объяснять. Или не найти его и получить другую, не менее страшную.

Лида не стала поддевать половицу. Пока это была только доска, которую она помнила. Не доказательство и не ответ.

Вернувшись на кухню, она взяла письмо и снова посмотрела на почерк. Миша выводил «ш» длинными частыми зубцами, как маленький забор. Ту же букву можно было увидеть в подписи на старом рисунке, который хранился в материнском шкафу. Лида знала об этом рисунке, но никогда не рассматривала его внимательно. На нём был дом с наклонной трубой, большое красное дерево и две фигуры, одна выше другой.

Она прошла в спальню матери.

Шкаф стоял у стены, высокий, тёмный, с зеркалом, помутневшим по краям. После смерти матери Лида почти не открывала его. Там хранились вещи, пережившие хозяйку: шерстяные платья, коробки с фотографиями, скатерть с прожжённым краем. Пахло лавандой и камфарой.

Рисунок лежал в папке между поздравительными открытками. Лида вынула его за угол. Бумага пожелтела, карандашные линии местами побледнели. Дерево на рисунке было раскрашено красным, а ствол перечёркнут чёрными штрихами. Под домом стояли две фигурки. У одной были длинные ноги и торчащие во все стороны волосы. У другой — юбка в клетку.

Внизу, под рисунком, стояло: «Миша».

Лида принесла письмо, положила рядом оба листа. Потом наклонила лампу так, чтобы свет падал на подписи сбоку. У рисунка буквы были крупнее и неловче, но «М» начиналась длинным наклонным росчерком. «Ш» и там выглядела забором. В конце имени маленькая «а» почти прилипала к предыдущей букве.

Один и тот же детский почерк.

В папке нашлась записка матери: «Мишин рисунок. 1951». Дата была написана взрослой рукой. Значит, в 1950 году брат действительно был мальчиком, способным написать такое письмо. Это не делало возможным другое: что он обращался к сестре, которая родится только через восемь лет. Или помнил подробность, случившуюся с ней ещё позже.

Лида прижала ладонь к столешнице, чувствуя под пальцами каждую царапину. Ей хотелось немедленно сложить всё в одну историю: Миша заранее знал её, лес звал его, письмо отправили не туда и не тогда. Но от этого желания она удержалась. Оно было похоже на старую привычку — найти объяснение побыстрее, чтобы больше не смотреть на то, что не укладывается в слова.

Она взяла лист и на обороте старого конверта записала:

«Штемпель: 14 октября 1950 года.

Миша исчез: 14 октября 1987 года.

Почерк похож на рисунок.

Свисток под третьей половицей — воспоминание, которого я никому не рассказывала.

Моя вина за последнюю ссору — не факт».

Последнюю строку она перечитала и обвела. Ручка прорвала бумагу на последнем слове.

Тогда, в день исчезновения, они поссорились у калитки. Миша хотел идти к старой просеке. Лида сказала, что не станет снова его ждать, пока он играет в свои лесные тайны. Он ответил, что тогда и искать его не надо. Она крикнула: «Не надейся, не пойду». Он ушёл, а она осталась во дворе, уверенная, что через час он вернётся.

Он не вернулся.

Долгие годы Лида слышала только собственную последнюю фразу. Она повторяла её так часто, что слова стали похожи на доказательство: будто именно они вытолкнули Мишу за калитку и не дали ему вернуться. Но факты были другими. Они поссорились. Он ушёл. Она не пошла за ним сразу, потому что не знала, что это последний шанс. Всё остальное было тем, чем страх заполняет промежутки между фактами.

Лида закрыла глаза. Впервые за долгое время она не стала спорить с воспоминанием и не стала оправдываться перед ним. Только позволила ему быть таким, каким оно было: резким, обидным и незавершённым.

Незадолго до полуночи в доме погас свет.

Лида замерла у кухонного стола. Через секунду лампа вспыхнула снова. За окном не было ни ветра, ни дождя. В коридоре что-то тихо щёлкнуло, будто остывающая доска.

Она собрала рисунок и письмо, но не убрала их в шкаф. Оставила рядом, чтобы утром проверить почерк ещё раз. Рядом положила второй конверт. У него тоже было её имя.

Из темноты снаружи донёсся короткий металлический удар.

Лида обернулась к прихожей.

Потом раздался второй — звонкий, с дребезгом почтовой крышки.

Кто-то только что опустил письмо в ящик.

Она медленно подошла к двери. Рука легла на защёлку, но не повернула её. В доме было тихо. За дверью — тоже. Лида могла отпереть замок и выйти на крыльцо. Могла оставить ночной стук снаружи, как оставляла за закрытой дверью вопросы, на которые не хотела отвечать.

Она не отступила.

Но и дверь пока не открыла.

Имена, вычеркнутые из памяти

Утром Лида открыла дверь не сразу.

Сначала прислушалась. Потом сняла цепочку, отперла замок и выглянула на крыльцо. Ночь оставила на ступенях тонкий иней. Ни следов, ни свежей грязи, ни отпечатка подошвы возле почтового ящика. Только красные иглы хвои, застрявшие в щели между досками, хотя ближайшая ель росла за огородами.

В ящике лежал конверт.

На лицевой стороне было написано: «Лиде». На обороте, там, где обычно указывали обратный адрес, ровными выцветшими буквами значилось: «Нина Серова. Краснолесье». Почтового штемпеля не было.

Лида занесла конверт в дом, положила на кухонный стол и долго смотрела на имя. Чернила расплылись от времени, но буквы стояли твёрдо, будто их вывели вчера.

Внутри оказался один листок.

«Не дай им сказать, что меня не было. Я пекла хлеб с тмином. Миша всегда просил корочку. Спроси, кто вычеркнул моё имя».

Ни приветствия, ни подписи. Лида перевернула лист. Пусто.

На столе рядом лежали вчерашнее письмо, рисунок и второй конверт. Она ничего не стала разбирать по порядку. Вместо этого взяла школьную тетрадь в клетку, чистую, с синей обложкой, и написала на первой странице: «Люди, пропавшие в Краснолесье».

Под заголовком добавила: «Нина Серова. Факт: письмо пришло в мой почтовый ящик. Факт: в письме упомянут хлеб с тмином и Миша. Не знаю: когда Нина исчезла. Не знаю: писала ли она это сама».

Она задержала карандаш над бумагой. Раньше ей хотелось немедленно ответить на каждый вопрос. Выбрать версию, поставить точку, получить хоть какую-нибудь опору. Теперь Лида заставила себя оставить пустые строки пустыми. Пробел не был доказательством. И уж точно не был приговором.

Нину Серову она решила искать с булочной.

Булочная помещалась в бывшем магазине у автобусной остановки. На двери висела выцветшая табличка «Хлеб», а за стойкой стояла женщина с короткими седыми волосами. Она узнала Лиду, но не улыбнулась.

— Ты опять за старое? — спросила она, когда Лида назвала Нину.

— Я пытаюсь понять, кто она была.

— Была и была. Мало ли кто тут жил.

— Она пекла хлеб с тмином?

Женщина резко переставила хлебную корзину. Несколько батонов качнулись, один упал на бок.

— Откуда мне знать?

— Вы давно здесь работаете.

— Двадцать восемь лет. Только это не значит, что я помню каждого.

Лида показала ей записку. Женщина посмотрела на строчку про тмин и нахмурилась. В лице что-то дрогнуло, исчезло, словно в комнате на миг погасла лампа.

— Запах был, — сказала она наконец. — В детстве. На кухне у тётки. Или у соседки. Не помню.

— У вас была тётка в Краснолесье?

— Нет.

Она сказала это быстро. Потом добавила тише:

— Кажется, нет.

Женщина отвернулась к витрине и принялась поправлять ценники. Лида поблагодарила её и вышла, не став убеждать. Она не знала, лгала та или сама не могла дотянуться до воспоминания. Лида видела только, что вопрос оставил после себя след: пальцы женщины дрожали, а корзина всё ещё стояла криво.

У старого колодца Лида встретила Бориса Андреевича, плотника на пенсии. Он чинил деревянную ручку на калитке и насвистывал мелодию без конца.

— Нина Серова? — переспросил он. — Может, фамилия знакомая.

— Она жила здесь. Пекла хлеб.

— Здесь все что-нибудь пекли. Или шили. Или пили.

Он хмыкнул собственной шутке, но улыбка тут же сошла с лица. Лида показала конверт. Борис Андреевич не взял его, только наклонился ближе.

— Серова, значит. У меня была двоюродная сестра Серова.

— Как её звали?

— Аня. Нет, Нина. Она мне варежки связала, когда я в школу пошёл. Одну красную, одну серую. Или это мать связала.

Он замолчал. Под ногами скрипнул гравий.

— У вас была двоюродная сестра?

— Да какая сестра, я единственный ребёнок.

Борис Андреевич сердито дёрнул калитку. Новая ручка поддалась и осталась у него в ладони.

— Видишь, держится плохо, — сказал он. — Вот что бывает, если берёшься чинить не своё.

Он улыбнулся, но Лиде показалось, что он сам услышал в этой фразе что-то лишнее.

В сельсовете пахло мокрыми пальто, кипячёной водой и старой бумагой. Секретарь Галина Петровна сидела за столом, обложившись папками. Она выслушала Лиду, не перебивая, а потом покачала головой.

— Списков пропавших у нас нет.

— Мне не нужен отдельный список. Я хочу посмотреть книгу регистрации жителей.

— В книге записаны те, кто жил. Нина Серова там не значится.

— Вы проверяли?

— Я знаю, что говорю.

Голос Галины Петровны был ровным, почти усталым. Лида заметила, что та не поднимает глаз на конверт.

— А если я сама посмотрю?

— Не положено.

— Почему?

Секретарь вздохнула, достала из ящика ключ и поднялась.

— Потому что после прошлой проверки вы просили копии. Потому что половина книг воняет сыростью, а вторая половина разваливается. И потому что люди приходят, требуют, чтобы прошлое объяснило им настоящее, а потом сердятся, если оно молчит.

Она сказала это без злости. В её словах было столько усталости, что Лида на мгновение почувствовала себя виноватой. Но она вспомнила пустую строку в тетради и не стала отступать.

В маленькой архивной комнате стояли железные шкафы. Галина Петровна достала толстую книгу с потрескавшимся переплётом и открыла на середине.

— Вот. Регистрация за пятьдесят шестой год. Серовых нет. Ни до, ни после.

Страницы были покрыты ровными рядами фамилий. Но кое-где бумага казалась истончённой, словно с неё что-то соскребали. Лида наклонилась. В одном месте под косым светом проступали следы букв: дуга, вертикальная черта, петля.

Она не коснулась страницы.

— Почему здесь выскоблено?

— Бумага повреждена, — быстро ответила Галина Петровна.

— Ножом?

— Я сказала, повреждена.

— Вы знали, что там было написано?

Секретарь закрыла книгу. Резко, но не слишком сильно. На её лице появилось раздражение человека, которому приписали намерение, которого он сам за собой не признаёт.

— Тут никогда не было имени Нины Серовой.

— Я не утверждала, что было.

Галина Петровна замерла. Потом отвела глаза.

Когда они вернулись в кабинет, Лида попросила хотя бы посмотреть машинописные копии. Секретарь отказалась, потом сама открыла нижний ящик шкафа. Несколько папок слиплись от сырости. Внутри лежали листы на тонкой бумаге, отпечатанные через копирку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.